

Сентября 19 (2 октября)

Священномученик
Константин (Голубев)

и иже с ним два мученика

С конца XVIII века пределы Саратовской губернии были заселены разного толка раскольниками, многие из которых приехали из Польши вследствие указа императрицы Екатерины II. В это время здесь еще не было ни самостоятельной епархии с центром в Саратове (она была образована только в 1828 году), ни тем более достаточного числа духовенства для успешной миссионерской деятельности на обширных степных пространствах.

Вольский уезд в то время состоял из полусотни сел с прилегающими к ним деревнями. Причем большинство селений было заражено лжеучениями. Православных селений не набиралось и десяти. Центр местного раскола находился в городе Вольске, где во второй половине XVIII века раскольники основали целые слободы. Рядом с Вольском впадает в Волгу река Иргыз, здесь раскольники организовали несколько монастырей. Своего расцвета раскол в этих местах достиг в конце XVIII – начале XIX столетия. В то же время, настоятели этих обителей, отличавшиеся глубоким и искренним благочестием, смогли к 1797 году заложить в Саратовской губернии начало единоверия. Однако и после принятия единоверия, благодатного священства и присоединения части раскольников к православию раскол в этих местах был еще очень силен и угрожал поглотить целые селения. Из тридцати тысяч человек, населявших Вольск, десять тысяч принадлежало к раскольникам. Численный перевес в городе имели беглопоповцы, а по богатству и общественному влиянию – последователи Белокриницкой иерархии.

Село Барановка Вольского уезда не представляло исключения и в значительной степени было населено сектантами и раскольниками. В селе было даже несколько раскольничьих сект: спасовская, поморская, беглопоповская и австрийская. Больше половины было спасовцев, треть – поморцев. Как всегда бывает с расколом, он сам со временем стал разделяться на секты. Спасовская секта разделилась на четыре толка. Первый толк считал, что хотя никакие таинства не совершаются в Православной Церкви, однако креститься и венчаться следует в церкви. Второй толк в Барановке составил из стариков и старух, которые не желали ни с кем общаться, ни в ком не видели правости и желали спастись уединенно, по примеру, как они считали, древних пустынников, представляя в этом отношении образцовое воплощение прелести. Третий толк утверждал, что антихрист разогнал истинное священство и оно теперь живет скрытно, в тайных местах, поэтому ради таковых обстоятельств совершать таинство крещения может простец-начетчик. Четвертый толк – спасовцев имел наименование нетовцев. Они считали, что со времени патриарха Никона антихрист уничтожил Церковь и никакие таинства не совершаются, и заставляли маленьких детей надевать кресты на новорожденных некрещеных младенцев и то не рукой, а лучинкой.

Дерзость и самомнение раскольников были настолько велики, что вынуждали их выходить за пределы простых здравых понятий. Только себя они считали во всем правыми и, подобно западноевропейским протестантам, едва ли

не спасшимися и святыми. На остальных они смотрели сверху вниз, почитая только себя за высококонравственных и все знающих людей. Они открыто и без всякого смущения совести говорили, что хорошо знают, как достичь Царства Небесного. Сидит, бывало, такой «праведный» мужичок на завалинке у своего дома и рассматривает проходящих, чтобы по обыкновению сектантов цепляться к ним. Видит – идет женщина, судя по времени, в храм на литургию. Мужик остановил ее и, словно дух-искуситель, начинает вопрошать:

– Куда ты идешь?

– В церковь, батюшка мой, – ответила женщина.

Константин Алексеевич Голубев

– Как бы я тебе не велел туда идти. Чему там ныматься-то¹ доброму. Пришла бы ты к нам. Уж вот всему научат. Уж скажу хоть про себя, похваюсь: умею и могу сготовить себе Царство Небесное.

Женщина, услышав надменные слова, полные самомнения и гордости, постаралась скорее уйти в церковь, а зазывавший ее в свое религиозное общество человек вскоре умер – без покаяния, без таинств, вне Церкви.

Упрямство и упорство саратовских раскольников были настолько велики, что их не вразумляли и явные чудеса. У одного крестьянина заболела оспой пятилетняя дочь. В первые дни, несмотря на нестерпимые страдания, она могла еще говорить с окружающими, но по прошествии десяти дней болезни от сильной боли совершенно умолкла и лежала, ничего не видя и не говоря в течение пяти суток, так что родители считали, что она вот-вот отойдет. Раскольники между тем предложили перекрестить девочку по раскольничьему обряду, обещая за это ее родителям материальную помощь. Равнодушие к Православной Церкви и

¹ Набраться-то

материальная заинтересованность склонили мать к расколу, и она известила о своем согласии раскольников.

Девочку уложили в передний угол под образа и зажгли перед иконой свечу. В это время пришли позванные старик-раскольник и девка-раскольница, которые приготовили большую кадучку с водой. Весть о предстоящем перекрещивании собрала множество любопытных. Когда все было приготовлено, среди присутствующих воцарилась напряженная тишина, и вдруг девочка, не видевшая солнечного света уже более недели и не говорившая, обращаясь к стоявшему рядом отцу, сказала:

– Тятка, что это вы делаете? Вы не думаете ли меня перекрещивать? Разве я некрещеная? Я еще маленькая крещена в церкви, вы мне сами это говорили, а два раза никого не крестят. Батюшка Истинный Христос один раз крестился!

При этих словах умирающей девочки старик-раскольник, очнувшись от изумления, тихонько подошел к ней и едва слышно проговорил:

– Ничего, дочка, мы хотим тебя искупать в тепленькой водичке и надеть на тебя белую рубашечку.

– Знаю, знаю, – ответила девочка, – поди-ка ко мне, старый, поближе, я тебе бороду выщиплю, ты и других потопил и меня хочешь туда же, не хочу я! Тятка, прогони их отсюда!

Последние слова поразили отца девочки, и он, доселе молчавший, сказал старику:

– Дедушка, оставь ее, коли не хочет креститься, так и не нужно!

Тогда стала уговаривать девочку мать:

– Милая доченька! Ведь ты умираешь, тебя нужно искупать и надеть белую рубашечку!

Но девочка продолжала говорить:

– Господь Истинный один раз крестился, я не хочу, чтобы вы меня потопили.

Это было очевидное чудо, происшедшее на глазах многих, – маленькая девочка вслух проповедовала Христа и истинность Церкви, и раскольники, почувствовав себя обличаемыми, потихоньку покинули дом. Впрочем, озлобление и ненависть к Церкви были столь велики, что раскольница, уходя, зло вслух сказала:

– Это беси ее мучают, беси ей представляются.

Через некоторое время после ухода раскольников, почти перед самой смертью, девочка сказала отцу:

– Тятка, что вы не ходите в церковь, ходите туда и там молитесь.

Из-за множества раскольников и сектантов в храм села Барановки при многочисленности жителей людей ходило немного, и в праздники и в воскресные дни церковь была почти пустой. Если раскольники и заходили в храм, то в будние дни и только те, кому их идеология позволяла посещать православные храмы. Этими-то случаями и старался воспользоваться священник Матфей Васильев. Хорошо зная состояние раскола в своем приходе и суть учения раскольников, отец Матфей, если видел среди своих прихожан пришедших раскольников, то сразу же начинал проповедовать им относительно их лжеучений, касающихся Церкви, таинств и священства, стараясь брать примеры для своих проповедей и поучений из жизни и быта слушателей, чтобы они были понятны им, и в свое время это принесло плоды – сектанты все серьезнее задумывались о спасении, сомневались – истинный ли путь они избрали.

Здесь, в селе Барановке, в 1852 году родился Константин Голубев. Его отец, Алексей Голубев, служил в храме псаломщиком и умер, когда мальчику было всего девять лет. Константин поступил в Саратовскую Духовную семинарию и окончил ее по первому разряду. В это время ему исполнилось двадцать четыре года и он почувствовал в себе дар служения миссионерскому делу, который преизобильно был в нем укреплен богословскими знаниями, полученными в семинарии. Для Константина Алексеевича это были не формальные знания, свод мертвых законов и правил, а само откровение Духа. И невозможно этому истинному церковному знанию не научить других, оставить богатство сокровищницы церковной сокрытым.

В 1867 году в Саратовской епархии было организовано церковное Братство Святого Креста, которое ставило своей задачей деятельность миссионерскую, просветительно-религиозно-нравственную и благотворительную. Миссионерская работа проводилась в Саратове и в селениях Саратовской епархии, сведения о русском расколе специально преподавались учащимся 6-го класса Саратовской Духовной семинарии, и Константин Голубев еще в семинарии подробно ознакомился с различными ответвлениями раскола и вполне освоил их учение.

Братство Святого Креста имело книжный склад, занималось изданием «Саратовских епархиальных ведомостей», устраивало религиозно-нравственные чтения для народа в праздничные и воскресные дни, а также содержало школу. Многие из обучавшихся в ней детей находились на полном обеспечении Братства. Большое значение придавалось учреждению в селах, зараженных расколом, библиотек, которые снабжались всеми необходимыми книгами, касающимися раскола. Часть из них была старопечатная, и приобретение таких книг требовало значительных расходов.

Один из первых миссионерских станов Братства Святого Креста в Вольском уезде был организован в селе Барановке, здесь была устроена противораскольническая библиотека с прекрасным подбором книг, сюда направлялись воспитанники Саратовской Духовной семинарии для практических бесед на тему раскола.

Константин Алексеевич вступил в Саратовское Братство Святого Креста и получил благословение епископа Саратовского и Царицынского Тихона (Покровского) отправиться в родное село Барановку в качестве миссионера Братства.

Он начал свою миссионерскую деятельность с того, что основал церковноприходскую школу, где был и директором, и учителем по многим предметам, в частности по Закону Божию. Он был уверен, что раскол и секты образуются там, где недостаточно проповедуется православие, где нет церкви, церковной проповеди и вместе с нею подлинного просвещения. Настоятель храма священник Матфей поддержал миссионера, понимая, что Константин Алексеевич идет на подвиг, беря на себя крест проповеднической деятельности в приходе, наполовину зараженном расколом.

Через некоторое время, в основном усилиями Константина Алексеевича и отца Матфея, число раскольников здесь стало заметно сокращаться и образовалась из местных крестьян большая группа ревнителей православия, для которых отстаивание чистоты и истины православия стало смыслом жизни; проповедь раскольническая и сектантская воспринималась ими как дело далеко не безопасное, так как она увлекала непросвещенных или равнодушных людей в сети лжи и вечной гибели. В конце концов благодаря ревности православных

в церковь стали приходить и закоренелые раскольники, которые, увидев подвигающихся в Бозе людей, словно очнулись от спячки и поняли, что жизнь, которую проводят они, совсем не та, к какой призывал Господь.

Беседы с православными и старообрядцами Константин Алексеевич проводил в церковной сторожке во все воскресные и праздничные дни. Большинство старообрядцев поначалу недоверчиво отнеслись к беседам и хотя приходили, слушали и, по-видимому, со многим внутренне соглашались, но предпочитали молчать, надмеваясь своей мнимонравственной жизнью и многознайством. Однако ревностный миссионер не отступался, не терял надежды, и это впоследствии стало давать плоды. Одним из упорных спорщиков с миссионером был уважаемый раскольниками расколоучитель Иван Бородин. И вдруг, после многих бесед с Константином Алексеевичем, в конце 1877 года он пришел в церковную сторожку, где велись беседы, и в присутствии всех своих единоверцев сказал, что признает правоту православного учения и всего того, что говорит Константин Голубев, когда поучает народ.

– Да зачем же ты сам пребывал в расколе?! – с удивлением стали восклицать присутствующие.

– По заблуждению, – ответил Иван.

Вскоре после этого он на общественном сходе предложил старикам-сельчанам отслужить в православной церкви благодарственный молебен за победу русского оружия при Карсе и сам на молебне с благоговением молился Богу.

Бывало, что жизненные обстоятельства подталкивали человека к углубленным размышлениям. Некий двадцатидвухлетний молодой человек, родители которого принадлежали к поморскому согласию, задумал жениться, но у поморцев нет таинства венчания, и он со смущением в сердце обвенчался в православной церкви. Однако чем больше он размышлял о поморском согласии, тем больше у него возникало сомнений в его правильности и православности, а спросить, кроме Константина Голубева, было не у кого. Он был единственным миссионером в этих местах, но обратиться к нему молодой человек боялся, и главным образом потому, что еще недавно прилюдно бранил всех, кто шел в церковную сторожку побеседовать с миссионером. Но все же он преодолел себя и зашел к Константину Голубеву побеседовать. Потом зашел еще и еще раз, а затем стал приходить к Константину Алексеевичу все чаще и в конце концов убедился вполне, что поморцы являются людьми, заблудившимися в вере.

Люди слушали убежденного в правоте Православной Церкви миссионера, спрашивали и спорили с ним, но главное – сам миссионер не жалел времени для уяснения истин веры и раскрытия заблуждений, иногда беседы длились по четыре и по пять часов. И в конце концов произошло в селе до того небывалое – люди потянулись к православной вере и церкви; не причащавшиеся по пятнадцать лет, а то и всю жизнь, стали говеть и причащаться; стали причащаться дети из школы, которой заведовал Константин Алексеевич, притом, что родители многих из этих детей были раскольниками.

За два года, благодаря миссионерским трудам Константина Алексеевича, из раскола к Православной Церкви присоединилось тысяча пятьсот человек.

В 1876 году Константин Голубев представил написанные им пробные лекции и по рассмотрении их епископом Тихоном был утвержден учителем русско-славянского языка Вольского Духовного училища и назначен, как миссионер

Братства Святого Креста, руководителем миссионерских бесед и блюстителем противораскольнической библиотеки в городе Вольске.

Первые собеседования с раскольниками в Вольске были начаты только в начале семидесятых годов священниками Иоанном Красновым и Евгением Тихомировым. Но по новизне дела и при отсутствии необходимых книг, в частности книг, содержащих тексты, на которые обычно ссылаются раскольники и которые были изданы только спустя годы, – беседы между священниками и раскольниками вынужденно прекратились.

Первым возобновил беседы с раскольниками и сектантами Константин Алексеевич Голубев. В отличие от своих предшественников на миссионерском поприще в Вольске он оказался прекрасно подготовленным миссионером. Уроженец села, пораженного сектами и расколом, он в семинарии особое предпочтение оказывал изучению предметов, изъясняющих существо раскола и различных сект. Он сам был деятельным участником бесед с раскольниками, проводившихся в Саратове, а также на своей родине в селе Барановке. Беседы в Вольске Константин Алексеевич проводил поначалу по воскресеньям в здании епархиального училища. Местные раскольники точно очнулись, дремотная замкнутость раскольничьего общества была разрушена. Оживились, увидев в Константине Алексеевиче блистательного защитника истины, и православные. Появились деятельные и талантливые защитники со стороны раскольников, но явились и местные защитники православия. Людей, особенно в осеннее и зимнее время, а также во время постов, собиралось так много, что зал училища не вмещал всех желающих услышать собеседования раскольников и православных. На собеседованиях разбирались все вопросы, которые волновали раскольников: о клятвах Собора 1667 года, а также об исправлениях книг. Некоторые статьи по этим вопросам, как, например, о клятвах Собора 1666 и 1667 годов, Константин Алексеевич опубликовал позже в «Саратовских епархиальных ведомостях». Скоро беседы в Вольске приобрели известность и среди раскольников уезда, которые стали приезжать в город, чтобы присутствовать на них.

В 1879 году епископ Саратовский Тихон назначил Константина Алексеевича на должность разъездного епархиального миссионера, и с этого времени его беседы в Вольске были переведены из епархиального училища в более поместительный Предтеченский собор. Здесь при соборе Константин Алексеевич собрал противораскольническую библиотеку, где были все необходимые для бесед книги. Постепенно стало проясняться, что раскол не так крепок и упорными остаются только люди старшего поколения, а молодое поколение готово рассматривать и обсуждать предметы веры. Трудность его деятельности заключалась главным образом в том, что он был единственным в то время миссионером в Вольске, и ни учителя духовного училища, ни местное духовенство, поглощенное целиком исполнением священнических обязанностей, не могли ему оказать никакой помощи. А между тем в городе число раскольников достигало семи тысяч человек, и многие из них обнаруживали значительную начитанность и серьезность в обсуждении предмета.

В обязанности Константина Алексеевича входили поездки по всей обширной Саратовской губернии, во все те поселения, где или не было православного пастыря, или у пастыря не было достаточной подготовки для борьбы с сектантами, или он робел перед ними, так как в иных случаях они показывали большую сплоченность и организованность. Но Константин Алексеевич безбоязненно шел с возглавителями сектантских и раскольнических

обществ на прямой и прилюдный диалог, чем стяжал себе всеобщую любовь духовенства и жителей, не исключая и самих раскольников и сектантов. Его неоднократные беседы с известным апологетом Белокриницкой иерархии Климентом Перетрухиным и с беспоповцем Худошиным, в результате которых Перетрухин и Худошин бежали от своих разъяренных собратьев-раскольников, имели своим следствием то, что множество раскольников обратилось от заблуждения и присоединилось к Православной Церкви. Многих православных, склонявшихся к расколу и переходу в мистические и рационалистические секты, Константин Алексеевич удержал от такого перехода, утвердил в православии и наставил в истинной вере своими беседами. В селе Салтыковском Сердобского уезда вначале в храм по великим постам ходили молиться и исповедоваться не более восьми человек, а в 1890 году таких уже было четыреста человек.

С благословения епископа Саратовского Николая (Налимова) и епископа Воронежского Анастасия (Добрадина) Константин Алексеевич ездил в Воронежскую епархию по просьбе духовенства и в селах Новохоперского уезда проводил беседы с сектантами. Некоторые селения Константин Алексеевич посещал по два, по три и даже по четыре раза, что делалось для закрепления достигнутых ранее благоприятных результатов, а также по просьбе старообрядцев, которые были озадачены сделанными миссионером разъяснениями на прежних беседах и, видя бессилие своих местных руководителей-начетчиков доказать правоту своих мнений, обращались к содействию более сильных, по их мнению, начетчиков, звали их к себе на помощь и в таких случаях приглашали и православного миссионера в надежде на то, что Перетрухины, Худошины, Шаровы и прочие защитят их перед обличениями миссионера; иногда такие посещения происходили по приглашению православных, смущаемых раскольниками.

В Московской губернии одним из самых зараженных расколом и сектантством был Богородский уезд². Происходило это отчасти потому, что здесь были расположены фабрики богатых раскольников, принадлежавших к Белокриницкой иерархии. Богородско-Глуховская община старообрядцев австрийского согласия была в России второй по величине после общины, имевшей своим центром храм на Рогожском кладбище. Глава семейства Морозовых, владелец текстильных мануфактур в Богородске, Арсений Морозов, помогал раскольничьим обществам по всей России, но в первую очередь жившим в Богородске и Богородском уезде. Положение хозяина фабрики, где в начале XX столетия работало около десяти тысяч человек, облегчало влияние, тем более что на самой фабрике работало много старообрядцев. Арсений Морозов оказывал широкую благотворительную помощь многим городским учреждениям, в результате чего городские власти смотрели сквозь пальцы на распространение раскола, принципиально игнорируя отличие раскольничьего общества от Православной Церкви. Городскому чиновнику различия между православными и старообрядцами австрийского согласия казались исключительно внешними, формальными: какая разница, к какой внешней форме прибегает человек для своего обращения к Богу, тем более, если этот человек – щедрый благотворитель для города. Не оставалось без щедрых пожертвований от богатых раскольников и местное духовенство.

В результате всего этого православие в городе и уезде мáлилось, становилось едва ли не преследуемой верой, а раскол торжествовал и

² Ныне Ногинский район Московской области

укреплялся. Епархиальные власти в меру сил старались исправить положение, посылая епархиальных миссионеров в этот донельзя растленный расколом и сектантством уезд, но успеха миссионеры не имели, потому что со стороны духовенства местных приходов они вместо поддержки встречали враждебное отношение, так как православные священники зависели материально от раскольников. Миссионеры же, видя столь пагубное явление торжества раскольников в православных приходах, не имели реальной власти для воздействия на нерадивых священников.

В 1893 году на Московскую кафедру был назначен семидесятичетырехлетний митрополит Сергей (Ляпидевский). По мнению некоторых жизнеописателей, «высокопреосвященный Сергей обладал той единоспасающей православной церковностью, которая предохраняет пасомых от всяких явных и скрытых опасностей. Он был глубоко проникнут верой в вечную истину Православной Церкви, где ничего нельзя ни прибавить, ни убавить без искажения истины. Подобно митрополиту Филарету, он хранил церковность, как святыню. Во имя церковной правды он старался поддержать и возвысить высокий дух в служителях Церкви, памятуя, однако, и границы человеческих сил, а потому, не впадая в обманчивую строгость непримиримого ригоризма, он охранял права Церкви с той же осмотрительностью; его любимым наставлением было правило, что должно достигать торжества правды, а не огорчения противника. Эту осмотрительность, эту обязательную зрелость и взвешенность всякого решения не могли не уважать сами нетерпеливые ревнители, склонные видеть в ней медлительность».

После назначения владыки на Московскую кафедру его посетили с хлебом-солью старообрядцы австрийского согласия.

«Под благословение ко владыке старообрядцы не подошли, а просили только принять от них хлеб-соль. Владыка спросил, с какою целью подносят они ему это. Старообрядцы ответили, что они рады его приезду в Москву и в знак уважения к нему, по русскому обычаю, подносят ему и просят принять хлеб-соль.

Владыка ответил:

– Понятно, когда вы, соблюдая, как говорите, русский обычай, подносите хлеб-соль светским лицам, которым подчинены; но я – лицо духовное, от которого вы не состоите ни в какой зависимости. Когда кто из православных подносит мне хлеб-соль, то прежде подходит под благословение, и я, хотя человек грешный, но получивший преемственно от апостолов епископскую благодать, преподаю им благословение, и получившие мое благословение сознают, что сподобляются благодати по своей вере. Посему, когда случалось мне, при обозрении епархии, принимать хлеб от деревенских жителей, я имел обыкновение, благословив его, преломлять на части. Вкушал сам и раздавал предстоящим и поднесшим, в знак духовного общения. А теперь могу ли я сделать так?.. Вы не подходите ко мне под благословение, посему и от благословленного мною хлеба вкушать не будете... Как же я могу принять от вас хлеб-соль, когда вы вкусить от благословленного мною хлеба считаете невозможным? Если вы не можете принять моего благословения, то и я не могу принять вашего приношения. Принять его было бы противно моей совести, и этим я ввел бы себя в зазорение у православных.

Старообрядцы, однако, настаивали, чтобы владыка принял хлеб-соль просто по русскому обычаю, не благословляя.

Владыка ответил:

– То же говорили мне люди разных исповеданий, и даже евреи, поднося хлеб-соль; о духовном общении тут не могло быть и речи, они не делали о том никакого упоминания и оставались при своей вере, считая ее истинною. Так и у вас, старообрядцев, сколько есть различных толков, или согласий, сколько разделений, и каждое общество себя только полагает быть правым и почитает святою соборною и апостольскою церковью. Прочих всех – еретиками. Если я от вас приму хлеб-соль, то придут ко мне разных толков беспоповцы, придут ваши неокружки, ссылаясь на вас, будут говорить: “Как принял от них хлеб-соль, так прими и от нас; притом мы лучше их – мы одни правоверующие, мы только и составляем собою соборную и апостольскую церковь”. И когда приму от вас хлеб-соль, то надо принимать и от всех, за что и вы не похвалите меня.

Старообрядцы продолжали просить.

Владыка сказал:

– Вы настаиваете, чтоб я принял от вас хлеб-соль, а под благословение не подходите; скажите, за кого вы меня почитаете, кому подносите хлеб-соль? Я с вами говорю откровенно, – а вы со мною говорите уклончиво. Не принимая моего благословения, вы этим прямо даете знать, что признаете меня за еретика.

Старообрядцы возразили:

– Мы под благословение не подходим, потому что, как сами знаете, еще в предках наших сделалось разделение.

Владыка ответил:

– Предки ваши от Церкви отделились несправедливо, ошиблись, а вы обязаны ли следовать их ошибке?

Старообрядцы сказали, что они следуют старине.

Владыка ответил:

– В старых книгах есть обряды ваши и наши, – есть двуперстие, есть и троеперстие. Когда то и другое есть в старых книгах, из-за чего же разделяться и раздражать Церковь? А притом Церковь в обрядах делает вам всевозможные уступки...

Старообрядцы сказали:

– Ваши предшественники от нас принимали хлеб-соль.

Владыка ответил:

– Я действую по моему убеждению и объяснил уже вам, по каким причинам не могу принять.

Старообрядцы сказали:

– Митрополит Иннокентий, принимая нас, сказал: нужно молиться, и благодать поможет рассмотреть истину. И Господь сказал в Евангелии: “никто не может прийти ко Мне...” – но дальнейшие слова умолчали.

Владыка на это сказал:

– Господь сказал в Евангелии: “никто не может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его”.

Старообрядцы возразили:

– Видите, только благодать привлекает человека!

Владыка сказал:

– Благодать упорных и нехотящих не привлекает. Сам Господь сказал: обратитесь ко Мне, и обращусь к вам; велено испытывать Писания, чтобы уразуметь истину.

Старообрядцы согласились, что нужно рассматривать истину.

Владыка сказал:

– Если хотите рассматривать истину, то можете всегда приходить ко мне; я готов всякому сказать правду.

Затем, не приняв приношения, митрополит отпустил старообрядцев».

Увидев, в каком плачевном религиозно-нравственном отношении находятся жители Богородского уезда, митрополит Сергей пригласил в Московскую епархию Константина Алексеевича Голубева, который столь успешно действовал уже около двадцати лет против разного рода раскольников и сектантов.

4 марта 1895 года Константин Алексеевич Голубев был определен митрополитом Сергием на протоиерейскую вакансию к Богоявленскому собору города Богородска с правом первостояния между всеми священниками Богородского и Павло-Посадского уездов. Под его начало отошли шестнадцать приходов. Православные в городе и уезде вздохнули с облегчением и стали смотреть на будущее с надеждой, справедливо полагая, что дело миссионерства в уезде будет теперь поставлено на надлежащую высоту, а уездные миссионеры в лице Константина Голубева получат защиту и не будут терпеть тех невзгод и преследований, каким они подвергались прежде.

12 марта епископ Можайский Тихон (Никаноров) рукоположил Константина Алексеевича в сан священника. На одном из богослужений, которое он совершал соборно с духовенством Богородска, отец Константин после литургии обратился с молитвенным пожеланием как к своей православной пастве, так и к раскольническому обществу, именуя себя старообрядцами. В ответ староста собора произнес приветственную речь и поднес отцу Константину от лица прихожан икону святителя Николая чудотворца в серебряной вызолоченной ризе. В тот же день отца Константина посетили представители приходских селений. Сергиевское общество хоругвеносцев города Богородска поднесло ему икону Спасителя в серебряной ризе.

Вскоре отец Константин вошел в число директоров Богородского уездного отделения попечительного о тюрьмах комитета и стал принимать активное участие в его деятельности и в совершении богослужений в тюремном храме, пока туда не был определен постоянный священник.

Весной 1896 года его назначили председателем Богородского Богоявленского отделения Кирилло-Мефодиевского Братства. В том же году отец Константин был награжден фиолетовой скуфьей, через год за ревностное служение Церкви Божией – камилавкой, а за обращение православных из раскола и сектантства – наперсным крестом. В 1897 году он был поставлен заведующим Истомкинской при фабрике Шibaевых церковноприходской школой, в которой в 1901 году стал законоучителем.

В 1897 году протоиерей Константин Голубев был избран на три года членом попечительного совета Богородской женской прогимназии. Занятия в попечительном совете выявили проблемы религиозного образования и просвещения женщин в России, от которых в значительной степени зависело религиозно-нравственное воспитание народа. Какими будут женщины в стране, какова будет их вера и религиозная просвещенность, такими будут и граждане России. Это имело особенное значение для фабричных городов, каким был Богородск в то время. И в 1900 году отец Константин открыл при Богоявленском соборе женскую церковноприходскую школу, в которой стал заведующим и законоучителем. В 1901 году отец Константин был избран членом Богородского комитета народной трезвости. При всех своих обширных начинаниях отец Константин не оставлял миссионерской деятельности, и по приезду в Богородск

им было организовано более десяти публичных бесед как в самом городе, так и в селах и деревнях Богородского уезда. Беседы разъясняли старообрядческие заблуждения, причем поскольку они проводились публично и вне стен храма, то были открыты для любых вопрошаний и диспутов.

В декабре 1895 года газета «Московские ведомости» писала об отце Константине: «С осени текущего года в местном соборе (в Богородске. – И. Д.) открыты противораскольнические беседы миссионером – благочинным отцом Константином Голубевым. Так как Богородск и его уезд населены раскольниками, преимущественно приемлющими австрийское лжесвященство (всего в уезде около 57 000 раскольников обоого пола), то предметом бесед отца Голубева служит положительное учение о святой Церкви и о священстве, каковым учением и разоблачаются заблуждения именуемых старообрядцев. Беседы, основанные исключительно на слове Божиим, на учении святой Церкви и на старопечатных книгах, чужды даже намеков на укоризну, а потому они охотно посещаются и слушаются как православными, так и раскольниками, которые являются к беседам в огромном количестве, хотя и не выступают с возражениями. И если в настоящее время плод бесед отца Голубева обнаружился в присоединении нескольких старообрядцев ко святой Церкви, то в будущем, и, пожалуй, недалеко, от бесед можно и должно ожидать больших плодов.

С другой стороны, беседы приносят пользу и в том отношении, что предохраняют православных от раскольнических заблуждений, предупреждают случаи соращения православных в раскол и возвышают дух православного народа, здесь приниженого массой старообрядцев. А ведь недавно еще у нас были случаи, что православные учительницы переходили в раскол и даже выходили замуж за евреев, крестившихся и перешедших в раскол. И все это проходило безнаказанно, благодаря покровительству богачей-раскольников.

Раскольники составляют у нас в уезде по преимуществу богатый класс населения. В числе их попадаются крупные и известные коммерсанты, благодаря которым раскол держится в наших краях, по-видимому, прочно.

“Ведь осерди его (капиталиста-раскольника), нигде места потом не найдешь... Везде тебя измарает хуже худшего. Ведь мы что? Так себе, ничтожество, а ему, небось, везде двери открыты...” – так обыкновенно отзываются бедняки-раскольники о богачах-раскольниках, у которых состоят в кабале. И надо думать, это горькая правда...

Стоит ли говорить о том, что раскольничьи лжепопы ходят у нас открыто в рясах, что доселе год от году множились моленные раскольников, что раскольничьи лжевладыки, заезжая в глушь наших деревень, служат открыто “со славой”. И все это, опять-таки благодаря мощным покровителям раскола, не брезгующим никакими средствами, чтобы поддержать раскол, проходило доселе безнаказанно.

«Что-то будет впереди?»

Отец Константин участвовал во многих церковных мероприятиях в Богородском уезде, в освящении нововоздвигаемых храмов, в съездах преподавателей церковных школ. Одним из центральных вопросов первого съезда преподавателей, состоявшегося в 1900 году, был вопрос о том, «как вести преподавание Закона Божия, церковного пения, славянской грамоты в связи с историей и обличением раскола в тех школах, где вместе с православными детьми учатся дети старообрядцев». И здесь немалым подспорьем явились советы и помощь отца Константина.

В феврале 1911 года в городе Богородске состоялось пастырское миссионерское собрание священников и диаконов двух благочиннических округов Богородского уезда с участием московского епархиального миссионера Николая Юрьевича Варжанского, собравшее тридцать пять священнослужителей.

«Епархиальный миссионер сделал доклад собранию о тяжелом настоящем времени для Православия от крайне сильного развития сектантства так называемых “братчиков”, а также баптистов, пашковцев и адвентистов. Миссионер указал, как утверждается и развивается сектантство, а также сообщил о главных причинах этого развития. Как на средство противодействия сектантскому натиску было указано на необходимость религиозного просвещения и нравственно-церковного оздоровления православного народа, для чего желательна катехизация народа, устройство приходских народно-миссионерских курсов, внебогослужебных бесед и чтений с световыми картинками, образование кружков ревнителей православия, братств трезвости, народно-миссионерских библиотек и распространение церковно-нравственной и противосектантской литературы, чему может способствовать открытие отделов Братства Воскресения Христова, имеющего целью церковно-религиозное просвещение православных и церковноприходских братств трезвости.

Собрание, по предложению отца протоиерея Константина Голубева, единогласно постановило открыть в возможно скорейшем времени отдел Братства Воскресения Христова и немедленно же, не дожидаясь открытия отдела Братства, учредить склад необходимых миссионерских книг и пособий для катехизации народа и церковно-религиозной литературы, с таким расчетом, чтобы к Великому посту все присутствовавшие на собрании пастыри могли покупать необходимую литературу при первом благочинническом округе Богородского уезда. Было затем выражено желание формального открытия фактически давно уже существующих церковноприходских братств трезвости и учреждения новых, а также сделаны указания, как поступать при появлении сектантов, как воздействовать на их пропаганду.

Несмотря на то, что собрание длилось около пяти часов без перерыва, среди присутствующих было большое воодушевление».

В 1913 году скончалась после двух с половиной лет тяжелой болезни жена отца Константина Мария, бывшая на протяжении многих лет его верной помощницей.

Спустя три года после ее кончины их сын Леонид, студент Духовной академии, писал о ней: «...В продолжение всей своей жизни она была глубоко верующей. Она очень боялась, как бы не умереть вдруг, неожиданно, – а при ее болезни всегда можно было ожидать внезапной смерти, – и горячо молилась, чтобы Господь даровал ей христианскую кончину жизни – безболезненную, непостыдную, мирную, и желала, горячо желала причаститься по возможности незадолго до смерти. В ночь своей смерти она молилась: “Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих кое есть?!” – и призывала в молитве Филарета Милостивого, память которого – в день ее смерти, 1-го декабря. И Господь услышал ее. Она осуществила и подтвердила слова венценосного пророка Давида: “Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому”.

В последние три дня своей жизни она причащалась ежедневно. В последнюю ночь, в субботу, сидя на своей постели, она выразила желание причаститься на другой день – в воскресенье за ранней литургией, – но потом,

чувствуя ухудшение, попросила причастить ее поскорее. Выслушав молитвы к причащению, она сама прочла “Верую, Господи, и исповедую” и причастилась около трех часов ночи.

Протоиерей Константин Голубев

Вскоре после этого она сказала: “Филарет Милостивый услышал меня... умираю... Ныне первая ектения заупокойная будет за новопреставленную рабу Божию Марию...”

Стала читать “Ныне отпускаеши...”. Затем проговорила: “Господь Бог мой, Иисус Христос, спасет и помилует меня! Отче! В руки Твои предаю дух мой!..” Сказала громко, ясно, отчетливо. Затем ей предложили: “Не почитать ли молитвы?” – разумея молитвы на исход души. – “Скорее читайте, скорее!.. я и забыла!..” – беспокойно сказала она... И лишь начали читать, она несколько успокоилась. Когда ей пытались оказывать помощь, она громко говорила: “Уйдите, не мешайте!.. не трогайте! Дайте спокойно умереть...” К четверем часам утра она стала принимать все более и более умиротворенный вид, и затем уже трудно было в точности определить, когда окончилась ее жизнь...»

Пришло время гонений на Православную Церковь, и в первую очередь они обрушились на делателей Христовых, на исповедников святого православия. В 1918 году еще не вполне и не везде была установлена советская власть, но отец Константин уже был арестован, заключен в тюрьму и без суда осужден на смертную казнь. По-видимому, о том, что он будет расстрелян, ему было в конце концов объявлено, так как после этого он передал из тюрьмы детям свой наперсный крест и служебник. Священник не просил, чтобы его освободили, он знал, что осужден на смерть, и был к ней готов. Не знал он только того, что злодеи, вполне испытав силу веры священника за время его нахождения в тюрьме, избрали для исповедника казнь мучительную. Отец Константин это

понял тогда, когда эта казнь началась. Но и тогда он не о том просил, чтобы его отпустили, а чтобы, уже решив убить, убивали скорее, без того мучительного изуверства, к которому прибегли палачи.

Неглубокая могила была вырыта на опушке соснового бора на дне небольшого карьера, откуда когда-то бралась земля для различных технических нужд. Архимандрит Сергей (Шейн), которому было поручено на Соборе 1917/18 годов сделать доклад о гонениях на Церковь и о новых мучениках, так описывает смерть отца Константина: «При расстреле в Богородске Московской епархии протоиерея отца Константина Голубева убийцы нанесли ему только рану и еще живого бросили в яму и стали засыпать землю. Несчастный подымал из ямы голову и молил прикончить его; находившаяся при этом дочь его на коленях, с рыданиями умоляла также, чтобы ее отца не хоронили живым, но ничто не помогло, и злодейство было доведено до конца – его засыпали живым».

О предстоявшей казни священника было известно заранее. Протоиерей Константин прослужил в Богородске двадцать три года и за это время стал духовным отцом многих православных жителей города. Когда отряд красногвардейцев вывел священника из тюрьмы и повел к месту казни, за ним двинулась густая толпа людей. Те, кто шли рядом с ним, слышали, как отец Константин вслух сказал: «Не ведают, что творят».

Церковные предания сохранили сведения, что фамилия начальника отряда красногвардейцев была Белов. После расстрела отца Константина священник стал являться ему. Однажды, когда в комнату вошла с распущенными волосами его жена, он принял ее за убитого им священника, выстрелил в нее и убил. И затем застрелился сам.

Долгое время место погребения отца Константина было почитаемо жителями Богородска. На могиле часто служились панихиды, горела лампада, сюда приносились иконы и цветы. Безбожники, обнаруживая эти знаки почитания, уничтожали могильный холм, зарывали оставшиеся на могиле цветы, иконы и свечи, и со временем место захоронения было утрачено. Но память о выдающемся миссионере-священнике, засвидетельствовавшем верность Христу своим мученичеством, дошла до нашего времени. И в канун праздника архистратига Божия Михаила, 20 ноября 1995 года, были обретены мощи священномученика и перенесены в Тихвинский храм города. При обретении были обнаружены останки двух других мучеников, пострадавших одновременно с протоиереем Константином Голубевым. Один из них был солдатом, состоявшим в отряде красногвардейцев, родом из Богородска. Он отказался стрелять в священника и был за это убит.

Составитель изумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Сентябрь-Октябрь»
Тверь, 2003 год, стр. 50-74.

Библиография

ЦГИАМ. Ф. 1490, оп. 2, ед. хр. 2.

РГИА. Ф. 833, оп. 1, ед. хр. 26.

Саратовские епархиальные ведомости. 1894, № 2; 1896, № 1.

«Московские ведомости». 1895, № 354.

Московские церковные ведомости. 1911, № 10; 1916, № 49-50.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи. Куйбышев, 1966. Машинопись. Ч. 6.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001.